

УДК 343.195

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ

© 2015 г.

А.Е. Босов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа, Н. Новгород

abossov@mail.ru

Поступила в редакцию 21.02.2014

С помощью теории речевых актов анализируются как специфический речевой жанр экспертные заключения, исследованные судом присяжных. Устанавливается, что заключение эксперта обладает свойствами перформативных высказываний.

Ключевые слова: теория речевых актов, суд присяжных, доказывание, экспертиза, заключение эксперта.

В последнее десятилетие деятельность судебных экспертов существенно расширила свои горизонты. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что даже лингвисты, чьи профессиональные познания – в сравнении с таковыми в естественных и точных науках – оставались почти не востребованными в суде (дела, при рассмотрении которых может понадобиться помощь лингвиста, и по сей день немногочисленны), учреждают всё больше профессиональных сообществ и организаций, призванных на постоянной и возмездной основе оказывать услуги гражданам, следствию и правосудию.

Рынок экспертных услуг растёт и процветает, однако качество производимых *продуктов* нередко не устраивает *потребителей*. Если не принимать в расчёт так называемые заказные экспертные заключения, то причину подготовки экспертами непрофессиональных материалов следует искать в том, что лица, занимающиеся экспертной деятельностью, не учитывают интересы и принципы правосудия. Одним из таких принципов является состязательность, она устанавливается и охраняется всеми тремя процессуальными кодексами.

В суде присяжных состязательность проявляется так, как ни в одном из видов судопроизводства, и причиной этому служит то, что именно при таком составе суда участники процесса оказываются в наиболее естественных коммуникативных условиях, требующих от сторон профессионализма, понуждающих к активности и убедительности. От наличия этих качеств и от того, как они будут проявлены в ходе судебного следствия, нередко зависит судьба вердикта. Генеральная задача каждой из сторон – склонить коллегия присяжных на свою сторону – реализуется в процессе доказывания, то есть в терминах юридической науки в ходе предъявления и интерпретации собранных

по делу доказательств, а в терминах лингвистики – в ходе коммуникации.

К сожалению, юридические методы исследования коммуникации в суде (так называемая *юридическая техника*) несущественно продвинулась на этом пути. Многие методы современного языкознания, напротив, в настоящее время становятся всё более востребованными в тех исследовательских областях, к постижению которых было не принято допускать лингвистов. Теперь правовая наука всё чаще опирается на данные языковедения, в результате чего появляются удачные примеры соавторства (см., например, работу Т.Б. Радбиля и В.А. Юматова об использовании теории речевых актов в судебной лингвистической экспертизе [1]). Именно поэтому предлагаемый анализ построен с применением комбинации юридических и лингвистических методов.

В названии статьи заявлено, что заключение эксперта здесь охарактеризовано, в частности, в терминах теории речевых актов, однако первый же шаг, сделанный на этом пути, вызывает трудность: **является ли заключение эксперта речевым актом?** Если напутственное слово председательствующего судьи представляет собой классический речевой акт [2], то в случае с заключением эксперта такой убеждённости нет, по крайней мере, с первого взгляда.

Общеизвестно, что речевые акты характеризуются *интенциональностью* (наличием коммуникативного намерения), *целеустремлённостью* и *конвенциональностью* (говорящий (пишущий) придерживается определённых для конкретного акта форм и процедур). Единственное свойство, безусловно присущее заключению эксперта, – это конвенциональность. Можно даже сказать, что **экспертное заключение предельно конвенционально**, его композиция и содержание обусловлены требованиями

статьи 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) и статьи 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, согласно этим нормам, в заключении эксперта указываются: дата, время и место производства судебной экспертизы; основания производства судебной экспертизы; должностное лицо, назначившее судебную экспертизу; сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, учёная степень и (или) учёное звание, занимаемая должность; сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед экспертом; объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы; данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы; содержание и результаты исследований с указанием применённых методик; выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Уголовным законом предусмотрена ответственность за дачу заведомо ложного заключения, таким образом, **для эксперта исключается возможность иметь коммуникативное намерение и быть целеустремлённым**; заключение эксперта будет использовано сторонами в процессе состязания, однако сам эксперт не вправе иметь интенцию выступить в чью-либо пользу. Единственная цель, которую преследует эксперт, – обеспечить точность проводимого исследования, а также сохранить объективность и беспристрастность при подготовке самого заключения. Теперь нужно решить вопрос, верно ли утверждение, что заключение эксперта в силу сказанного представляет собой самодовлеющий текст, обладающий вполне самостоятельным значением, – нечто вроде кантовской вещи-в-себе.

Заключение эксперта «в чистом виде», написанное, так сказать, в стол (например, из любви к искусству, в качестве тренировки, на спор или по иной причине), без сомнения, является абсолютно самодостаточным, номенальным текстом. Однако если подобные тексты и встречаются в природе, то для цели нашего исследования они не имеют никакой ценности, поскольку **любая экспертиза проводится в связи с исследованием (рассмотрением) конкретного дела**, её результаты приобретают значение именно в рамках этого дела.

Для того чтобы полностью разрешить сомнение относительно того, можно ли отнести заключение эксперта к речевым актам, необходимо определить, кто является его автором. На

первый взгляд вопрос не требует ни ответа, ни даже внимания: разумеется, автором текста заключения является эксперт (комиссия экспертов), который провёл исследование и фамилия которого указана в тексте заключения. Этот ответ будет совершенно удовлетворительным, если перед нами *заключение в чистом виде*. В том случае, если мы имеем дело с заключением, подготовленным в рамках расследования (рассмотрения) конкретного уголовного дела, ответ не будет таким простым.

Конкретное экспертное заключение необходимо в качестве доказательства. Иными словами, уже с принятием решения о назначении экспертизы заключение – ещё не существующее – вовлекается в процесс доказывания и, следовательно, «бронирует место» в цепи интерпретаций.

В силу пункта 3 части 1 статьи 195 УПК следователь обязан поставить перед экспертом вопросы, а на основании части 1 статьи 197 УПК он (следователь) вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы. Сторона защиты также наделена правом ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту (пункт 4 части 1 статьи 198 УПК). Наконец, какими бы ни были результаты экспертного исследования, они в любом случае будут включены в один из перечней доказательств – либо подтверждающих обвинение, либо тех, на которые ссылается сторона защиты (пункты 5 и 6 части 1 статьи 220 УПК). Если заключение эксперта войдёт во вторую группу доказательств (ситуация довольно редкая), то следователь, составляющий обвинительное заключение, разумеется, укажет на то, что к данному доказательству «следует отнестись критически».

Из сказанного следует, что ещё в стадии предварительного расследования (даже до начала самого экспертного исследования) у эксперта появляются *соавторы*, у которых – в отличие от него – свои коммуникативные намерения, своя цель в процессе доказывания и своё место в цепи интерпретаций. Так экспертное исследование корректируется, соотносясь с реалиями дела, а **текст экспертного заключения**, вливаясь в дискурс конкретного уголовного дела, постепенно *отдаляется* от своего номинального автора и **приобретает свойства интенциональности и целеустремлённости**.

Здесь нужно сделать оговорку терминологического свойства. Под *дискурсом* в настоящей работе понимаются, во-первых, *конкретный текст, имеющий лексические, грамматические и семантические характеристики, в его соотношении с прагматической стороной коммуникативного акта*, во-вторых, *дискурсивная*

практика, то есть совокупность произведённых коммуникантами текстов, объединённых тематической общностью и способами оперирования с языком. Важно также помнить, что «дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [3, с. 23].

Став частью дискурса, **текст экспертного заключения** претерпевает последующие интерпретации и **приобретает** на этом пути **новых соавторов**. Интересно, что интерпретация доказательств различается в зависимости от состава суда. Когда дело рассматривается судьёй единолично и в общем порядке, доказательства интерпретируются в судебном следствии, в ходе прений, затем в репликах сторон и последнем слове подсудимого и, наконец, судьёй в приговоре.

Говоря о суде присяжных, нужно помнить, что в силу обусловленного законом (статья 334 УПК) разграничения компетенции они вправе решать четыре вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; заслуживает ли подсудимый снисхождения.

По причине указанного разграничения содержащиеся в доказательствах сведения не интерпретируются в приговоре, автором которого является профессиональный судья (после того как присяжные вынесли вердикт, вопросы доказанности и вины не могут подлежать ничьей ревизии). Вместе с тем в суде присяжных есть уникальный речевой акт – напутственное слово председательствующего. В этом акте судья обязан напомнить коллегии об исследованных доказательствах, не выражая при этом своего отношения к ним (пункт 3 части 3 статьи 340 УПК), однако на практике это требование закона выполняется не всегда безупречно [4]. При малейшем уклонении судьи от требований закона присяжные – до удаления в совещательную комнату для вынесения вердикта – могут усмотреть в напутственном слове неумышленную подсказку или намёк на то, как можно (вар.: желательно, целесообразно, нужно) интерпретировать то или иное доказательство. Таким образом, каждое доказательство (в том числе и заключение эксперта), хотя и вопреки закону, может обрести в качестве почти неосязаемого соавтора ещё и председательствующего судью.

Изложенное укрепляет в мысли, что **как часть дискурсивной практики заключение эксперта является речевым актом**. Теперь установим, к какому именно типу относится заключение эксперта как речевой акт.

Современная многообразная и не вполне унифицированная типология речевых актов выросла из классификации, введённой в научный оборот Дж. Р. Сёрлем и содержащей пять основных классов речевых актов: *репрезентативы*, *директивы*, *экспрессивы*, *комиссивы* и *декларативы* [5]. По другому основанию Сёрл предложил делить речевые акты на *искренние* и *неискренние* [6, с. 70].

Не менее важную таксономию высказываний разработал Дж. Л. Остин, предложивший выделять перформативы и констативы: «Констативное высказывание, известное под таким, столь дорогим для философов, именем, как *утверждение*, обладает свойством быть истинным или ложным. В противоположность ему перформативное высказывание не может быть ни истинным, ни ложным: у него свои цели, оно используется для осуществления действия. Произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или, что то же самое, выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом, по крайней мере с той же точностью» [7, с. 23]. Сам Остин в качестве простейших примеров перформативов приводит выражения: *I name this ship Liberté* – Я называю этот корабль «Свобода», *I apologize* – Я извиняюсь, *I welcome you* – Приветствую вас, *I advise you to do it* – Советую вам сделать это. Здесь же он сделал важное для нас замечание, причислив к перформативам *«резолютивные» предложения юридических документов*.

По нашему мнению, **перформативность** характеризует не только отдельные выражения, содержащиеся в юридических документах, – она **является конституирующим свойством для всего юридического дискурса**, то есть для *совокупности практик освоения окружающей действительности с точки зрения правовых категорий и средствами языка*.

Таким образом, заключение эксперта, интерпретированное одной из сторон, мы считаем перформативным высказыванием с репрезентативной семантикой, построенным по общей формуле *«Основываясь на заключении эксперта, я утверждаю, что...»*.

Чем раньше эксперты поймут, что создаваемые ими тексты заключений не часть академической непостижимой работы, а важная реплика в семиотизированном ритуализованном речевом потоке, который строится в соответствии с принципом состязательности, тем скорее повысится качество оформления результатов экспертной деятельности.

Список литературы

1. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1(1). Нижний Новгород, 2013. С. 286–290.
2. Каневский Б.С., Босов А.Е. Напутственное слово председательствующего с точки зрения речевых актов // Уголовное право. 2013. № 2. С. 97–103.
3. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000. С. 7–25.
4. Александров А.С., Босов А.Е. Объективность и беспристрастность при обращении к присяжным заседателям с напутственным словом (история одной экспертизы) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 363–373.
5. Сёрл Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.
6. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. М., 2004. С. 56–74.
7. Остин Дж. Л. Перформативы – констативы // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. М., 2004. С. 23–34.

EXPERT WITNESS TESTIMONY IN A JURY TRIAL AS A SPEECH ACT*A.E. Bosov*

With the help of speech act theory, the author analyzes expert testimony presented to the jury as a particular speech genre. It is shown that every expert testimony has the properties of performative utterances.

Keywords: speech act theory, trial by jury, evidence, forensics, expert testimony.

References

1. Radbil' T.B., Yumatov V.A. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya teorii rechevyh aktov v lingvisticheskoy ehkspertize // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 1(1). Nizhnij Novgorod, 2013. S. 286–290.
2. Kanevskij B.S., Bosov A.E. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego s točki zreniya rechevyh aktov // Ugolovnoe pravo. 2013. № 2. S. 97–103.
3. Kubryakova E.S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike. Obzor // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'. Funkcional'nye i strukturnye aspekty: sb. obzorov. M., 2000. S. 7–25.
4. Aleksandrov A.S., Bosov A.E. Ob "ektivnost' i bespristrastnost' pri obrashchenii k prislyazhnym zasedatelyam s naputstvennym slovom (istoriya odnoj ehkspertizy) // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2013. № 6. S. 363–373.
5. Syorl' Dzh. R. Klassifikaciya illokutivnyh aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1986. Vyp. 17. S. 170–194.
6. Syorl' Dzh. R. Chto takoe rechevoj akt? // Filosofiya yazyka / Red.-sost. Dzh. R. Syorl. M., 2004. S. 56–74.
7. Ostin Dzh. L. Performativy – konstativy // Filosofiya yazyka / Red.-sost. Dzh. R. Syorl. M., 2004. S. 23–34.